



УДК 159.9:316.64
<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2025.51.67>

Соотношение психологических характеристик антивитального поведения и киберагрессии у представителей современной молодежи

А. А. Шаров, Т. Н. Черняева*

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования соотношения характеристик антивитального поведения и типов киберагрессии у представителей современной молодежи. Выявлено, что ведущим типом проявления киберагрессии у молодежи является вербально-визуальный, который на значимом уровне взаимосвязан с антивитальными характеристиками (антивитальные переживания, антивитальные мысли и действия, одиночество, недоверчивость, страх негативной оценки микросоциальный конфликт). Отмечается, что антивитальные мысли и действия более выражены на первом курсе, а антивитальные переживания являются предиктором вербально-визуальной киберагрессии. Предложены рекомендации педагогам, кураторам, психологам вузов в рамках формирования навыков жизнестойкости и социально приемлемых способов реагирования на жизненные ситуации, выработки навыков конструктивной виртуальной коммуникации.

Ключевые слова: антивитальное поведение, киберагрессия, молодежь, имперсонация, киберсреда, секстинг.

Для цитирования: Шаров А. А., Черняева Т. Н. Соотношение психологических характеристик антивитального поведения и киберагрессии у представителей современной молодежи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2025. Т. 51. С. 67–78. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2025.51.67>

Original article

Correlation of Psychological Characteristics of Anti-sexual Behavior and Cyber Aggression Among Representatives of Modern Youth

A. A. Sharov, T. N. Chernyaeva*

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Abstract. The results of an empirical study of the correlation of characteristics of anti-sexual behavior and types of cyber aggression among representatives of modern youth are presented. It has been revealed that the leading type of manifestation of cyber aggression among young people is verbal-visual, which is significantly interrelated with anti-sexual characteristics (anti-sexual experiences, anti-sexual thoughts and actions, loneliness, distrust, fear of negative evaluation, microsocial conflict). Anti-sexual thoughts and actions are more pronounced in the first year. Anti-sexual experiences are a predictor of verbal-visual cyber aggression. Recommendations are offered to teachers, su-

pervisors, and university psychologists in the framework of developing resilience skills and socially acceptable ways of responding to life situations, developing constructive virtual communication skills.

Keywords: anti-social behavior, cyber aggression, youth, impersonation, cyber environment, sexting.

For citation: Sharov A.A., Chernyaeva T.N. Correlation of Psychological Characteristics of Anti-sexual Behavior and Cyber Aggression Among Representatives of Modern Youth. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*. 2025, vol. 51, pp. 67-78. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2025.51.67> (in Russian)

Введение

Проблематика изучения антивитальности и киберагрессии у современной молодежи становится все более актуальной, учитывая современные вызовы общества, нестабильную социальную и экономическую обстановку, которые требуют от нее адекватного реагирования в контексте социально-психологической адаптации и устойчивости к стрессовым ситуациям различного рода. Данные обстоятельства обуславливают изучение поведенческого репертуара молодежи, в том числе и антивитальных проявлений, как во внутреннем, так и внешнем (поведенческом) планах, а также выраженности различных типов киберагрессии. Отечественные исследователи подразумевают под антивитальностью деструктивные социальные характеристики внутреннего и внешнего плана (мысли, действия, поступки, напрямую не связанные с крайней степенью аутоагрессии, но имеющие аутодеструктивную направленность) [Сагалакова, Труевцев, Сагалаков, 2015, с. 83, 84]. Структура антивитальности может быть представлена антивитальными мыслями и переживаниями в аспекте утраты жизненного смысла, безнадежности; антивитальными действиями и поступками, например акты самоповреждения, наносящие ущерб здоровью и создающие риск для жизнедеятельности личности. Кроме того, длительное наличие антивитальности как во внутреннем, так и внешнем плане можно рассматривать как положительный предиктор крайних форм аутоагрессивного поведения (суицидальные поступки) [Системный подход в исследовании ... , 2015]. А. Г. Амбрумовой антивитальное поведение личности понимается не как предиктор крайних форм аутоагрессии, а как собственно суицидальное поведение на начальном этапе формирования [Амбрумова, Тихоненко, Бергельсон, 1981, с. 93–96]. Аналогичную позицию занимают и зарубежные авторы [Plutchik, Praag, 1989, с. 25–27].

Что касается возрастной специфики проблемы, то в современной психологической науке изучаются антивитальные характеристики преимущественно в аспекте подросткового возраста. Так, Е. А. Быкова с соавторами выявили статистически значимые различия по выраженности компонентов антивитальности (антивитальные переживания, недоверчивость и одиночество, тревожные руминации) у подростков по половому признаку [Быкова, Истомина, Квашнина, 2022, с. 123–125]. Их дальнейшие изыскания в рамках рассмотрения динамики характеристик антивитальности позволили выявить наличие высокого уровня антивитальности и вместе с тем тенденцию к росту выраженности антивитальных мыслей и действий именно к 16 годам [Быко-

ва, Истомина, 2022, с. 6, 7]. В связи с этим исследователи приходят к выводу о том, что для подростков характерны низкая способность к противостоянию стрессовым ситуациям, высокий риск антивитаального поведения и выраженность антивитаальных переживаний [Истомина, Быкова, 2022, с. 201–203]. Интерес представляют результаты работ, где антивитаальное поведение связывается с подростковым кризисом, особенности которого представляются предпосылками для его пролонгации в том числе и через проявление антивитаальности и аутоагрессивных действий [Ниязбаева, Сатыбалдина, 2017, с. 89, 90]. П. Р. Юсупов в своем эмирическом исследовании рассматривает антивитаальную направленность в подростковом возрасте в контексте безнадежности, доказывая, что высокий уровень безнадежности обуславливает антивитаальную направленность на основании выявленных корреляционных связей показателей антивитаального поведения и безнадежности у подростков [Юсупов, 2023, с. 75–79]. Что касается изучения рассматриваемого нами феномена в других возрастных диапазонах, то российскими авторами отмечается, что в период зрелого возраста на выраженность характеристик антивитаальности влияют такие социально-демографические характеристики, как мужской пол; социальная изоляция или одиночество; сужение социально-ролевого функционирования при соматических заболеваниях или их последствий [Антивитаальные переживания онкологических ... , 2020].

В исследовании Е. В. Одиноквиной доказывается, что для возрастной группы «студенческая молодежь» характерно наличие определенных антивитаальных характеристик. Наиболее выраженными являются показатели «тревожные руминации» и «вредные привычки» [Одиноквина, 2021, с. 27, 28]. В исследовании Е. А. Шерешковой, А. А. Мужевой показано, что высокий уровень антивитаальной направленности характерен для 10 % девушек и 7 % юношей студенческого возраста. У лиц женского пола более выраженными, чем у юношей, являются антивитаальные мысли и действия, импульсивность, демонстративность, конфликты в семье, конфликты в группе, тревожные руминации [Шерешкова, Мужева, 2025, с. 541–542]. Таким образом, на основании эмпирических данных современных исследователей, наиболее типичными интегральными паттернами антивитаального поведения молодежи являются антивитаальные переживания, мысли, действия, деструктивные привычки и склонность к асоциальным поступкам.

Киберагрессия как самостоятельная девиантологическая единица стала изучаться сравнительно недавно. С развитием информационно-коммуникативных технологий, ростом времени, проводимом в киберпространстве, произошло выделение интернет-сетевой формы социальной активности [Бочарова, 2019, с. 365–368]. Это обусловило всплеск исследовательского интереса к изучению киберагрессии как вида отклоняющегося поведения, направленного на причинение вреда личности или группе, выполняемого с помощью любых электронных устройств посредством виртуальной коммуникации [Schoffstall, Cohen, 2011, p. 588–590; Mane, Kundu, Sharma, 2025, p. 3, 4]. В зарубежных исследованиях нередко используется термин «цифровая агрессия» для обозначения различных актов, совершае-

мых молодежью в контексте нанесения вреда другим посредством электронных устройств [The roots of digital ... , 2024]. Современными российскими разработчиками проблемы, наряду с антисоциальным, киберрискованным и кибервиктимным поведением, выделяется киберагрессия (киберагрессивное поведение) как особый вид отклоняющегося онлайн-поведения [Богданович, Делибалт, 2024, с. 49–52; Тулупова, Демидова, Баранова, 2024, с. 96–98]. Многообразие деструктивного контента (агрессивных, негативных практик общения) пользуются популярностью в молодежной среде и становятся привычным в плане виртуального взаимодействия [Ларионова, Горчакова, Фахретдинова, 2021, с. 17–19].

Так, в современных исследованиях отечественных авторов показано, что молодежь не только сталкивается в виртуальной среде с различными видами киберагрессивных актов [Солдатов, Рассказова, Чигарькова, 2020, с. 8–11], но и практикует их различные варианты, а именно имперсонацию, секстинг, вербально-визуальные агрессивные действия [Шаров, 2020б, с. 487–489; Cyberaggression and cybervictimisation ... , 2023]. На базе анализа текстовых массивов Е. О. Мазурчук, Н. И. Мазурчук выявлено, что в 75 % комментариев-обсуждений под постами наблюдаются признаки киберагрессии по отношению к информации и виртуальным партнерам по общению со стороны представителей молодежной аудитории [Мазурчук, Мазурчук, 2020, с. 224, 225]. Сегодня идет активный поиск предикторов киберагрессии у молодежи. Так, А. А. Вихман выявлено, что недостаточность добросовестности и экстраверсия являются данными предикторами [Вихман, 2023, с. 95–97]. Таким образом, киберагрессивное поведение в молодежной среде отличается вариативностью проявления, под общим знаменателем – стремление причинения вреда личности или группе, выполняемого с помощью электронных устройств в рамках виртуальной коммуникации.

В рамках получения нового знания о соотношении характеристик антивиталяного поведения и киберагрессии, а также выделении профилактических аспектов данных видов девиантного поведения нами проведено настоящее эмпирическое исследование.

Организация и методы исследования

Цель исследования: выявить и описать соотношение характеристик антивиталяного поведения и киберагрессии у представителей современной молодежи на примере выборки студентов.

Объектом исследования выступает антивиталяное поведение. Предметом – соотношение психологических характеристик антивиталяного поведения и киберагрессии у представителей современной молодежи.

Гипотезы исследования:

1. Ведущим типом проявления киберагрессии у молодежи является вербально-визуальный тип.

2. Вербально-визуальный тип киберагрессии на значимом уровне взаимосвязан с антивиталяными характеристиками, а антивиталяные переживания являются его предиктором.

3. Антивитальные мысли и действия более выражены на этапе адаптации к социально-образовательной среде вуза.

Диагностическая батарея: опросник киберагрессии (CYBA) [Validity and Reliability ... , 2016] в адаптации А. А. Шарова [2020а, с. 123–125]. Данный опросник пригоден для обследования лиц молодого возраста.

Опросник антивитальности и жизнестойкости [Сагалакова, Труевцев, 2017, с. 11–12]. Использование данного опросника является допустимым в настоящем исследовании, учитывая средний возраст респондентов и заявленную разработчиками пригодность на обследование не только лиц подросткового и юношеского возраста, но и ранней взрослости.

Выборка исследования включала в себя 80 респондентов, обучающихся в высших учебных заведениях Саратова. Средний возраст – 18,2 лет. Женского пола – 46 %. Студентов-первокурсников – 19 %, обучающихся на 2-м курсе – 37 %, студентов третьего курса – 44 %, четвертого курса – 3 %. Формирование выборки проводилось случайным образом с учетом возрастного диапазона и относительно равномерного распределения по полу. Опрос проводился в онлайн-формате на добровольной и анонимной основе. Статистические процедуры: вычисление описательной статистики, критерия Шапиро – Уилка, корреляционного анализа по Пирсону, однофакторного дисперсионного анализа, пошагового регрессионного анализа. Статистический пакет: IBM SPSS Statistics 27. База данных исследования (сырые данные и статистические подсчеты) представлена в репозитории психологических исследований и инструментов RusPsyData [Черняева, Шаров, 2025].

Результаты исследования и их обсуждение

Представим полученные данные описательной статистики в таблице.

Таблица

Описательная статистика характеристик антивитальности и киберагрессии

Параметры киберагрессии и антивитальности	Минимум	Максимум	Среднее	
	Статистика		Статистика	Среднеквадратическая ошибка
Имперсонация	3	7	3,80	0,132
Вербально-визуальная киберагрессия	6	19	10,79	0,337
Секстинг	5	15	6,91	0,261
Антивитальные мысли и действия	3	19	10,99	0,502
Антивитальные переживания	5	20	11,91	0,462
Страх негативной оценки	2	11	5,46	0,291
Микросоциальный конфликт	2	19	9,04	0,359
Одиночество, недовместность	0	7	3,79	0,193
Тревожные руминации	0	6	2,38	0,160
Вредные привычки	0	6	2,20	0,175
Склонность к асоциальному поведению	0	5	2,33	0,162

Исходя из показателей средних значений, в таблице видно, что наиболее выраженными по всей выборке являются вербально-визуальная киберагрессия (средний уровень) и антивитальные переживания (высокий уровень). Это значит, что молодежь, с одной стороны, на среднем уровне выраженности

практикует различные варианты вербально-визуальной агрессии в киберсреде, а с другой – имеет высокий уровень антивитаальных переживаний в виде размытого представления о будущем, сосредоточении на переживании обид, негативной оценки окружающих людей как равнодушных.

Полученные результаты согласуются с проведенными ранее исследованиями, где также выявлено, что вербально-визуальная киберагрессия является наиболее предпочтительной для молодежи по сравнению с другими киберагрессивными практиками [Шаров, 2020б, с. 487–489; Селиванова, Шаров, 2024]. Считаем, что это связано с более широким репертуаром вербально-визуальных агрессивных действий по сравнению с имперсонацией (выдачей себя за другого) и секстингом (пересылкой интимного контента). При этом вербально-визуальная киберагрессия представляет собой комплексную девизантную виртуальную практику, включающую в себя множество агрессивных действий (комментарии оскорбительного, обидного, унижающего характера, очернение, угрозы разной степени выраженности, подача ложной жалобы и т. д.). Секстинг же ограничен в своих проявлениях более компактным репертуаром виртуального взаимодействия (пересылка интимного контента). Более того, обозначенная практика может и должна восприниматься как нарушение личных границ и иметь серьезные нормативно-правовые последствия.

В рамках соотношения выраженности средних значений рассматриваемых нами характеристик антивитаальности и киберагрессии проведена процедура однофакторного дисперсионного анализа, учитывая социально-демографическую переменную «пол». Выявлено, что у мужчин, по сравнению с женщинами, наиболее выраженной является практика имперсонации ($F = 10,160$, $p = 0,002$). Статистически значимых различий по выраженности других компонентов киберагрессии и антивитаальности по данному критерию не выявлено. Это означает, что мужчины молодого возраста более, чем женщины, практикуют лжепозирование и выбор фальшроли в виртуальном пространстве.

Полученные данные по имперсонации могут подтолкнуть к дискурсу о том, является ли данная практика деструктивной или же это нейтральная (посреднеческая) практика, которая может использоваться для продвижения как киберагрессивного, так и просоциального контента. Этот вопрос затрагивался ранее [Селиванова, Шаров, 2024] и позволил предположить, что наличие факта выдачи себя за другого среди представителей обоих полов не может однозначно свидетельствовать о явной реализации ими каких-либо киберагрессивных действий.

Дальнейшее проведение однофакторного дисперсионного анализа (с учетом поправки Бонферони для множественных сравнений) по переменной «курс обучения» показало, что на первом курсе, по сравнению со вторым ($p = 0,005$) и третьим ($p = 0,008$), антивитаальные мысли и действия более выражены. По остальным компонентам антивитаальности и киберагрессии не выявлено статистически значимых различий. Это значит, что на начальном этапе обучения у молодежи выраженным является негативное переживание в

аспекте восприятия будущего, повышенная готовность к рисковому и самоповреждающему поведению. Выявленный факт выраженности антивитальных переживаний на первом курсе, по сравнению с последующими, можно связать, с одной стороны, с возрастными особенностями респондентов (переход к периоду взрослости), а с другой – трудностями в аспекте адаптации к новым условиям жизни по сравнению со школьным периодом (изменение социальной среды и привычного образа жизни, новые условия учебной нагрузки, иная система требований и отношений, самопрезентация в новом учебном коллективе). В связи с этим возникает реальная потребность в оказании превентивной психокоррекционной работы по минимизации антивитальных переживаний молодежи на этапе адаптации к образовательной среде вуза [Одиночкина, 2021, с. 27, 28].

Что касается взаимосвязи шкал антивитальности и характеристик киберагрессии (по всей выборке), то выявлены положительные взаимосвязи между вербально-визуальной киберагрессией и такими компонентами антивитальности, как антивитальные переживания ($r = 0,485, p \leq 0,05$), антивитальные мысли и действия ($r = 0,226, p \leq 0,01$), страх негативной оценки ($r = 0,295, p \leq 0,05$), одиночество, недоверчивость ($r = 0,306, p \leq 0,05$), микросоциальный конфликт ($r = 0,224, p \leq 0,01$). Это доказывает, чем выше будет выраженность антивитальных характеристик, тем больше будет практиковаться вербально-визуальная киберагрессия.

В рамках поиска предикторов киберагрессии среди компонентов антивитальности нами проведен пошаговый регрессионный анализ. В результате получившейся модели ($R_2 = 0,25; F = 4,20, p < 0,001$) выявлен один положительный предиктор «антивитальные переживания» (стандартизированные коэффициенты: $\beta = 0,59, t = 3,55, p = 0,001$). Следовательно, предпосылкой вербально-визуальной киберагрессии являются антивитальные переживания.

Что касается взаимосвязи характеристик антивитальности и типов киберагрессии, доказано, что чем выше будут переживания человека по поводу настоящего и будущего, ненужности, одиночества, а также пессимистичная оценка себя, страх негативной оценки окружающих, тем больше будет практиковаться им (причем вне зависимости от пола) вербально-визуальная киберагрессия в виде оскорбительных, обидных и высмеивающих комментариев, угроз и т. д. Обозначенные взаимосвязи подкрепляются полученными в настоящем исследовании данными пошагового регрессионного анализа, выявившего, что негативное восприятие временной перспективы, переживание негативных эмоций и чувств в виде обиды, отчаяния, ненужности, равнодушия окружающих влияют на применение репертуара агрессивного-вербальных действий в виртуальной коммуникации. Данные результаты согласуются с ранее полученными данными о том, что антивитальные характеристики сопровождаются как аутоагрессивным, так гетероагрессивным поведением [Банников, Кошкин, 2013, с. 12–15].

Выводы

Таким образом, квинтэссенцией данного исследования можно определить то, что современная молодежь, учитывая особенности функционирования виртуальной коммуникации (анонимность, асинхронность, вербальность, большой диапазон в плане выбора субъекта виртуального общения и контента), пытается отреагировать антивитальную направленность личности, практикуя вербально-визуальную агрессию в киберсреде.

Гипотезы, выдвинутые нами вначале эмпирического исследования, подтвердились:

1. Ведущим типом проявления киберагрессии у молодежи является вербально-визуальный тип по сравнению с имперсонацией и секстингом.

2. Вербально-визуальный тип киберагрессии на значимом уровне взаимосвязан с антивитальными характеристиками, а также антивитальные переживания являются его предиктором.

3. Антивитальные мысли и действия более выражены на первом курсе обучения, чем на последующих.

Исходя из полученных данных, можно предположить выделение в рамках психолого-педагогической работы мероприятий, направленных на формирование навыков жизнестойкости и социально-приемлемых способов реагирования на новые и (или) неопределенные жизненные ситуации; индивидуальную работу по снижению уровня выраженности антивитальных переживаний (при их наличии); выработку навыков конструктивной виртуальной коммуникации и совершенствование культуры виртуального общения в целом.

Список литературы

Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А., Бергельсон Л. Л. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 91–102.

Антивитальные переживания онкологических больных на фоне противоопухолевого лечения и в отдаленном периоде / К. О. Кондратьева [и др.] // Фарматека. 2020. Т. 27, № 7. С. 76–80. <https://doi.org/10.18565/pharmateca.2020.7.76-80>

Банников Г. С., Кошкин В. А. Антивитальные переживания и аутоагрессивные формы поведения подростка с «диффузной идентичностью» // Электронный журнал «Психологическая наука и образование» 2013. № 1. С. 1–15. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59073 (дата обращения: 20.02.2025).

Богданович Н. В., Делибалт В. В. Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи // Психология и право. 2024. Т. 14, № 2. С. 45–66. <http://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>

Бочарова Е. Е. Типичные сферы проявления социальной активности современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16, № 3. С. 359–376. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376>

Быкова Е. А., Истомина С. В. Динамика показателей антивитальности и витальности в подростковом возрасте // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 5–8. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-5-8>

Быкова Е. А., Истомина С. В., Квашина А. С. Половые различия антивитальности в подростковом возрасте // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (55). С. 121–126. https://doi.org/10.52772/25420291_2022_3_121

Вихман А. А. Личностные предикторы кибервиктимности и кибербуллинга в юношеском возрасте // Психология и право. 2023. Т. 13, № 1. С. 94–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130107>

Истомина С. В., Быкова Е. А. Соотношение показателей антивительности и жизнестойкости у подростков // Казанский педагогический журнал. 2022. № 5 (154). С. 199–208. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.156.6.025>

Ларионова А. В., Горчакова О. Ю., Фахретдинова А. П. Особенности активности студенческой молодежи в сети Интернет: опыт деструктивной коммуникации и вопросы безопасности // Социодинамика. 2021. № 3. С. 12–22. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.3.35227>

Мазурчук Е. О. Мазурчук Н. И. Девиантное поведение молодежи в виртуальном пространстве: кибербуллинг // Педагогическое образование в России. 2020. № 6. С. 224–229. <https://doi.org/10.26170/ro20-06-26>

Ниязбаева Н. Н., Сатыбалдина Р. А. Особенности антивительных настроений в подростковом возрасте // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 88–91.

Одиночкина Е. В. Социально-психологический тренинг как инструмент коррекции антивительных переживаний у студентов-первокурсников // Интерактивная наука. 2021. № 1 (56). С. 26–29. <https://doi.org/10.21661/г-552838>

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник «Антивительность и Жизнестойкость» // Медицинская психология в России. 2017. Т. 9, № 2 (43). С. 1–18. URL: http://www.medpsy.ru/mptj/archiv_global/2017_2_43/nomer05.pdf (дата обращения: 24.02.2025)

Сагалакова О. А., Труевцев Д. В., Сагалаков А. М. Латентно-структурный анализ в исследовании нарушений когнитивной регуляции аффекта в ситуациях оценивания при антивительной направленности поведения в подростковом возрасте // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 3 (87). С. 81–85.

Селиванова Ю. В., Шаров А. А. Взаимосвязь тревожности, связанной с проведением специальной военной операции и киберагрессии (на примере молодежи) // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 1. <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN124.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Системный подход в исследовании антивительного и суицидального поведения / О. А. Сагалакова [и др.] // Медицинская психология в России. 2015. № 6 (35). URL: http://www.medpsy.ru/mptj/archiv_global/2015_6_35/nomer05.php (дата обращения: 24.02.2025).

Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3–20.

Тулунова Е. О., Демидова Т. К., Баранова Е. С. Киберагрессия – современная форма дискриминации и насилия // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2024. № 1. С. 94–104. <http://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.21.9>

Черняева Т. Н., Шаров А. А. База данных исследования соотношения антивительного поведения и киберагрессии у молодежи // RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. 2025. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/fuuz-rbvt-vkba>

Шаров А. А. Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника СУВА // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2020а. Т. 9, вып. 2. С. 118–125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125>

Шаров А. А. Особенности киберагрессии как современного феномена девиантной активности у молодежи // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020б. № 6 (184). С. 486–490.

Шерешкова Е. А., Мужева А. А. Показатели личностной жизнеспособности как корреляты антивительной направленности личности студентов // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 540–553. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.34>

Юсунов П. Р. Антивительная направленность поведения подростков в социально опасном положении в контексте безнадежности // Межкультурная коммуникация в образовании и медицине. 2023. № 2. С. 72–84.

Cyberaggression and cybervictimisation in adolescents / A. I. Fernández Herrerías [et al.] // Bibliometric analysis in web of science. Heliyon. 2023. Vol. 10, Iss. 1. e23329. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e23329>

Mane S., Kundu S., Sharma R. A Survey on Online Aggression: Content Detection and Behavioral Analysis on Social Media // *Acm computing surveys*. 2025. Vol. 57, Iss. 7. P. 1–36. <https://doi.org/10.1145/3711125>

Plutchik R., Van Praag H. The measurement of suicidality, aggressivity and impulsivity // *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*. 1989. N 13. P. 23–34.

Schoffstall C., Cohen R. Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence // *Social Development*. 2011. Vol. 20, Iss. 3. P. 586–604.

The roots of digital aggression: Exploring cyber-violence through a systematic literature review / M. Mukred [et al.] // *International Journal of Information Management Data Insights*. 2024. Vol. 4. 100281. <http://doi.org/10.1016/j.jjime.2024.100281>

Validity and reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA) / D. Álvarez-García [et al.] // *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2016. Vol. 8, N 2. P. 69–77. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>

References

Ambrumova A.G., Tikhonenko V.A., Bergelson L.L. Sotsialno-psikhologicheskaya dezadaptatsiya lichnosti i profilaktika suitsida [Social and psychological disadaptation and suicide prevention]. *Voprosy psikhologii* [The Issues Relevant to Psychology], 1981, no. 4, pp. 91–102. (in Russian)

Kondratyeva K.O. et al. Antivitalnye perezhivaniya onkologicheskikh bol'nykh na fone protivopukholevogo lecheniya i v otdalennom periode [Antivital Experiences of Oncologic Patients Against the Background of Antitumor Treatment and in the Long Term Period]. *Farmateka* [Pharmateca], 2020, vol. 27, no. 7, pp. 76–80. <https://doi.org/10.18565/pharmateca.2020.7.76-80> (in Russian)

Bannikov G.S., Koshkin V.A. Antivitalnye perezhivaniya i autoagressivnye formy povedeniya podrostka s “diffuznoi identichnost'yu” [Antivital experience and auto-aggressive behavior in teenagers with “diffuse identity”]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Available at: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59073 (date of access: 20.02.2025). (in Russian)

Bogdanovich N.V., Delibalt V.V. Deviantnoe onlain-povedenie: ot klassifikatsii vidov k analizu programm i tekhnologii pomoshchi [Deviant Online Behavior: From the Classification of Types to an Analysis of Assistance Programmes and Technologies]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2024, vol. 14, no. 2, pp. 45–66. <http://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204> (in Russian)

Bocharova E.E. Tipichnye sfery proyavleniya sotsialnoi aktivnosti sovremennoi molodezhi [Typical Spheres of Social Activity Manifestation in Modern Youth]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika* [RUDN Journal of Psychology and Pedagogics], 2019, vol. 16, no. 3, pp. 359–376. <http://doi.org/10.22363/2313-1683-2019-16-3-359-376> (in Russian)

Bykova E.A., Istomina S.V. Dinamika pokazatelei antivitalnosti i vitalnosti v podrostkovom vozraste [Dynamics of Indicators of Antivitality and Vitality in Adolescence]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2022, no. 5 (96), pp. 5–8. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-5-8> (in Russian)

Bykova E.A., Istomina S.V., Kvashnina A.S. Polovye razlichiya antivitalnosti v podrostkovom vozraste [Sex Differences of Anti-vitality in Adolescence]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Journal of Shadrinsk State Pedagogical University], 2022, no. 3 (55), pp. 121–126. https://doi.org/10.52772/25420291_2022_3_121 (in Russian)

Vikhman A.A. Lichnostnye prediktory kiberviktimnosti i kiberbullinga v yunosheskom vozraste [Personality Predictors of Cyber-Victimization and Cyber-Bullying in Adolescence]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2023, vol. 13, no. 1, pp. 94–106. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130107> (in Russian)

Istomina S.V., Bykova E.A. Sootnoshenie pokazatelei antivitalnosti i zhiznestoikosti u podrostkov [The ratio of indicators of anti-vitality and resilience at adolescents]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2022, no. 5 (154), pp. 199–208. <https://doi.org/10.51379/KPJ.2022.156.6.025> (in Russian)

Larionova A.V., Gorchakova O.Yu., Fakhretdinova A.P. Osobennosti aktivnosti studencheskoi molodezhi v seti Internet: opyt destruktivnoi kommunikatsii i voprosy bezopasnosti [Features of student youth activity on the Internet: experience of destructive communication and security issues].

Sotsiodinamika [Sociodynamics], 2021, no. 3. pp. 12-22. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.3.35227> (in Russian)

Mazurchuk E.O., Mazurchuk N.I. Deviantnoe povedenie molodezhi v virtualnom prostranstve: kiberbulling [Deviant Behavior of Young People in the Virtual Space: Cyberbullying]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], no. 6, pp. 224-229. <https://doi.org/10.26170/po20-06-26> (in Russian)

Niyazbaeva N.N., Satybalina R.A. Osobennosti antivitalnykh nastroyenii v podrostkovom vozraste [Features Antivirally Sentiment in Adolescence]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2017, no. 12, pp. 88-91. (in Russian)

Odinokhina E.V. Sotsialno-psikhologicheskii trening kak instrument korrektsii antivitalnykh perezivaniy u studentov-pervokursnikov [Socio-psychological Training as a Tool for Correcting Antivital Experiences in First-Year Students]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2021, no. 1 (56), pp. 26-29. <https://doi.org/10.21661/r-552838> (in Russian)

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V. Oprosnik "Antivitalnost i Zhiznestoikost" [Anti-vitality and Resilience Questionnaire]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2017_2_43/nomer05.pdf (date of access: 24.02.2025) (in Russian)

Sagalakova O.A., Truevtsev D.V., Sagalakov A.M. Latentno-strukturnyi analiz v issledovanii narushenii kognitivnoi regulatsii affekta v situatsiyakh otsenivaniya pri antivitalnoi napravlenosti povedeniya v podrostkovom vozraste [Latent Structural Analysis in the Study of Cognitive Affect Regulation Disturbances in Evaluation Situations in Anti-Vital Behavior Orientation in Adolescence]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University], 2015, vol. 1, no. 3 (87), pp. 81-85. (in Russian)

Selivanova Yu.V., Sharov A.A. Vzaimosvyaz trevozhnosti, svyazannoi s provedeniem spetsialnoi voennoi operatsii i kiberagressii (na primere molodezhi) [The relationship between anxiety associated with a special military operation and cyber aggression (using the example of young people)]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/77PSMN124.pdf> (date of access: 20.02.2025). (in Russian)

Sagalakova O.A. et al. Sistemnyi podkhod v issledovanii antivitalnogo i suitsidalnogo povedeniya [A systematic approach to the study of life-threatening and suicidal behavior]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Medical Psychology in Russia]. Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2015_6_35/nomer05.php (date of access: 24.02.2025). (in Russian)

Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi [Types of cyberaggression: adolescents and youth experience]. *Natsionalnyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2020, no. 2 (38), pp. 3-20. (in Russian)

Tulupova E.O., Demidova T.K., Baranova E.S. Kiberagressiya – sovremennaya forma diskriminatsii i nasiliya [Cyberaggression as a Modern Form of Discrimination and Violence]. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University], 2024, no. 1, pp. 94-104. <http://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2024.21.9> (in Russian)

Chernyaeva T.N., Sharov A.A. Baza dannykh issledovaniya sootnosheniya antivitalnogo povedeniya i kiberagressii u molodezhi [Database of research on the correlation between anti-vital behaviour and cyber aggression in young people]. *RusPsyData: Repozitorii psikhologicheskikh issledovaniy i instrumentov* [RusPsyData: Psychological Research Data & Tools Repository]. Available at: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/fuuz-rbvt-vkba> (date of access: 20.02.2025). (in Russian)

Sharov A.A. Izmerenie kiberagressii: razrabotka russkoyazychnogo analoga oprosnika CYBA [Measuring Cyber Aggression: Development of Russian Version of CYBA Questionnaire]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology], 2020, vol. 9, iss. 2, pp. 118-125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125> (in Russian)

Sharov A.A. Osobennosti kiberagressii kak sovremennogo fenomena deviantnoi aktivnosti u molodezhi [Features of Cyber Aggression as a Modern Phenomenon of Deviant Activity in Young

People]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* [Scientific notes of Lesgaft National State University], 2020, no. 6 (184), pp. 486–490. (in Russian)

Shereshkova E.A., Muzheva A.A. Pokazateli lichnostnoi zhiznesposobnosti kak korrelyaty antitsotsialnoi napravlenosti lichnosti studentov [Indicators of personal viability as correlates of the anti-social orientation of students' personality]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education], 2025, no. 1. pp. 540–553. <https://doi.org/10.32744/pse.2025.1.34> (in Russian)

Yusupov P.R. Antivitalnaya napravlenost povedeniya podrostkov v sotsialno opasnom polozhenii v kontekste beznadezhnosti [Anti-vital orientation of the behavior of adolescents in a socially dangerous position]. *Mezhkulturnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine* [Intercultural communication in education and medicine], 2023, no. 2, pp. 72–84. (in Russian)

Fernández Herrerías A.I. et al. Cyberaggression and cybervictimisation in adolescents. *Bibliometric analysis in web of science. Heliyon*, 2023, vol. 10, iss. 1, e23329. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e23329>

Mane S., Kundu S., Sharma R. A Survey on Online Aggression: Content Detection and Behavioral Analysis on Social Media. *Acm computing surveys*, 2025, vol. 57, iss. 7, pp. 1–36. <https://doi.org/10.1145/3711125>

Plutchik R., Van Praag H. The measurement of suicidality, aggressivity and impulsivity. *Progress in Neuro-Psychopharmacology and Biological Psychiatry*, 1989, no. 13, pp. 23–34.

Schoffstall C., Cohen R. Cyber Aggression: The Relation between Online Offenders and Offline Social Competence. *Social Development*, 2011, vol. 20, iss. 3, pp. 586–604. <http://doi.org/10.1111/j.1467-9507.2011.00609>

Mukred M. et al. The roots of digital aggression: Exploring cyber-violence through a systematic literature review. *International Journal of Information Management Data Insights*, 2024, vol. 4, 100281. <http://doi.org/10.1016/j.ijimei.2024.100281>

Álvarez-García D. et al. Validity and reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA). *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*, 2016, vol. 8, no. 2, pp. 69–77. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>

Сведения об авторах

Information about the authors

Шаров Алексей Александрович

кандидат психологических наук, доцент
кафедры педагогической психологии и
психодиагностики, Педагогический институт
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, 83
e-mail: sha555@mail.ru

Sharov Alexey Alexandrovich

Candidate of Sciences (Psychology),
Associate Professor of the Departments of
Educational Psychology and
Psychodiagnosics, Pedagogical Institute
Saratov State University
83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012,
Russian Federation
e-mail: sha555@mail.ru

Черняева Татьяна Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры педагогической психологии и
психодиагностики, Педагогический институт
Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Россия, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, 83
e-mail: cherniaeva@inbox.ru

Chernyaeva Tatyana Nikolaevna

Candidate of Sciences (Pedagogy),
Associate Professor of the Departments of
Educational Psychology and
Psychodiagnosics, Pedagogical Institute
Saratov State University
83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012,
Russian Federation
e-mail: cherniaeva@inbox.ru

Статья поступила в редакцию **25.02.2025**; одобрена после рецензирования **25.03.2025**; принята к публикации **25.03.2025**
The article was submitted **February, 25, 2025**; approved after reviewing **March, 25, 2025**; accepted for publication **March, 25, 2025**